

Т.С. Жумаганбетов,
проректор института Алматинской академии
экономики и статистики в г. Актобе

К ПРОБЛЕМЕ СУВЕРЕНИТЕТНЫХ И ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В ДРЕВНЕТЮРКСКИХ КАГАНАТАХ

В статье рассматриваются отношения в сфере суверенитетных прав и гражданские правоотношения в древнетюркских каганатах.

Реликтовые формы права являются частью нашей общей правовой культуры. Знание этой культуры, в частности правовых норм в каганате тюрков-туцзюэ, позволяет глубже изучить и понять принципы современного законодательства. Проблема интересна с точки зрения влияния номадной экономики на правовые аспекты формирования государства и правовых норм на исторической основе древнетюркских государств (1).

ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ СУВЕРЕНИТЕТНЫХ ПРАВ

Как известно, тюрки-туцзюэ, или тюркюты до 551 года находились в зависимости от каганата жужан. Характер взаимоотношений между каганатом жужан и политической организацией тюркютского общества (Тюрк Эль) при господствующем положении первых, т. е. до середины 6 века, можно охарактеризовать с точки зрения государственного права как протекторатные отношения. Протекторат не исключает сохранение отдельных элементов суверенитета у подконтрольного этноса, т. е. в данном случае у древних тюрков, и в частности собственные органы политической и иной власти и управления. Протекторатные отношения в виде полной политической зависимости или в виде отношений «младший старший союзник», как свидетельствуют нарративные источники, наиболее распространенная правовая составная кочевых империй. Полное порабощение завоеванных народов для кочевого государства было невозможно и мало реально осуществить, прежде всего потому, что в этом случае в завоеванной области требовалось бы содержать на постоянной основе большой оккупационный корпус, а это было затруднительно с армией большей частью ополченческой; во-вторых, полная замена управленческого аппарата в завоеванном обществе нарушила бы экономическую саморегуляцию в социуме, что повлекло бы разрушение процесса производства на местах. Поэтому кочевники в своих завоеваниях предпочитали внешние формы политической зависимости.

По экономическим причинам, имеющим отношение к специфике производственного цикла кочевого скотоводства, суверенитетными правами в таком обществе обладал *каждый род* вне зависимости от количества семей, в нем содержащихся, т. е. в идеале каждый род имел право подчиняться или не подчиняться центральной власти, самостоятельно решал вопросы присоединения к другому объединению, выбора собственных органов власти, исходя из хозяйственной целесообразности, при вхождении в состав другого государства (такие события были в период острого политического кризиса в 80-х гг. VI века, в 630 году и т. д.), сколько бы ни было родов в будуне (объединении родов, племени) каждый род приносит присоединительную присягу отдельно и самостоятельно. Таким образом, род, не представленный в хозяйственном процессе ни через расширенную общину – кош, ни через тем более – аул (он шире этих рамок), играет роль первого уровня объединения, формально, на генеалогической основе, которая защищает внешние интересы объединения хозяйственных общин и семей и регулирует гражданские и уголовные дела внутри данного круга людей, т. е. имеет свою независимую от других судебную организацию и т. д.

Род с правовой точки зрения – это внешний, последний круг людей, которые имеют право на отмщение в случае убийства сородича индивидом из другого рода или местности. Конечно, на практике до этого не доходило, отвечающие по мести исчерпывались кругом семьи. Род, внешний для общин, его составляющих, верховный (опосредованный) собственник кочевий и пастбищ. Большое количество скота, обширность и раскиданность на большие расстояния пастбищной базы, необходимость регулировать на всех уровнях процесс перекочевки требуют от родов заключения союзов с другими родами для обеспечения на новом уровне суверенных прав каждой общины союзного рода на право существовать и пользоваться всеми благами той жизни.

Кочевой род помимо хозяйства включен в этнические и социальные процессы внутри большо-

го социума и принужден согласовывать свои действия с другими родами и структурами общества и часто на право свободного, суверенного выбора влияли множества различных обстоятельств. Например, нахождение в составе военного и хозяйственного потестариата. Эти уровни объединения координировали деятельность родов, но при этом исходили из наличия суверенных прав рода, считались с данным обстоятельством. Лидеры этих организаций каждое свое решение согласовывали с советом бегов и действовали исходя из интересов всех родов в потестариате. Многие решения были действительными только при единогласном согласии всех бегов.

Политическая организация кочевников усложняла внутренние суверенитетные отношения в обществе строительством нового, большего уровня суверенитета, но уже на уровне всего социума. Двухуровневая система обеспечения внутренних и внешних суверенитетных прав неизбежно влекла к противоречию между этими уровнями, которое решалось внутри государства разделом компетенции по суверенитетным правам между родом и каганом. Внешне это оформлялось посредством принятия присяги родом на верность верховной власти. Текстом присяги и этим правовым актом род отдавал часть своей самостоятельности, а в качестве компенсации получал право на участие руководителей рода в представительных органах власти, например в государственном совете бегов, а также на долю материальных средств получаемых каганатом, например с военных трофеев, с дани, налогов, право на управление какой-либо местностью, поселением, а если род многочисленный, авторитетный и влиятельный, то, возможно, городом, право на хорошие пастбища в завоеванных областях и т. д.

Таким образом, степной суверенитет предстает как двухуровневое явление, каждое из которых в каких-то вопросах самодостаточно, а в каких-то взаимодополняемо. Так, на уровне регулирования хозяйственных вопросов, связанных со сроками начала перекочевки, маршрутом кочевания и т. д., роды даже при видимом участии Верховной власти самодостаточны. Определение внешней политики государства, начало или конец войны, династийные браки, т. е. межгосударственные союзы, организация походов, фискальное право – даже при существенном влиянии родов на обсуждение и принятие решений по этим вопросам властная инициатива принадлежит государственным органам. С включением рода в систему политических отношений государства род, без сомнения, лишался целого ряда суверенных прав.

В обмен кочевники могли пользоваться суверенитетом государственным, дававшим им более широкие права и возможности при защите собственных экономических интересов.

При разрушении государства или неспособности кагана управлять родовыми составляющими происходит распад двухуровневого суверенитета и роды возвращаются к исходному состоянию, когда кочевали самостоятельно или переходили под управление другого государства. В период разгрома в 630 году Танской империей Каганата восточных тюрков много родов оказались вытесненными теле-уйгурами из мест традиционных кочевий. Оказавшись вдоль Великой стены, перешли в подданство Китая. Китайская администрация на их базе создал административные округа. По этому поводу А.Г. Малявкин отмечал, что «при создании округов власти строго придерживались родоплеменного деления кочевников и для каждого подразделения создавали отдельный округ. Это правило не нарушалось и тогда, когда представителей данного рода (племени) было всего несколько десятков семей» (2). Так, по данным Синь Тан Шу и Цзю Тан Шу, в округе Яньжань было только 190 семей рода Теленгут, в округе Цзилу 132 семьи кочевников из рода Аигир, в округе Чжунлунь 117 семей рода Кюрэбир и т. д.(3).

Местная танская администрация хорошо ориентировалась в правовых особенностях кочевых родов. Китайские чиновники, работавшие с кочевниками, знали о своеобразных суверенитетных отношениях у кочевников, и данная мера (в виде учреждения округа) позволяла исключить отдельный род из системы прежних общественных, гражданско-патрономических отношений, тем самым изъять из отношений суверенитета и адаптировать его к административной системе империи, которая в корне исключала и пресекала наличие каких-либо суверенных отношений на низовом уровне общества. Начальник округа полностью вбирал в себя компетенцию выборного руководителя рода. Дудуфу и начальники округов решали все вопросы кочевников и в основном сверху вниз, а кочевники, при такой системе лишившись представительных органов, не имели возможность апеллировать и принимать участие в формировании решений по ним. Данные административные условия в корне противоречили традиционным властным отношениям в среде кочевников, ограничивали функции их традиционных потестарных органов и были причиной постоянного стремления кочевников снова отколотиться при удобном стечении событий от китайцев.

ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ

Тюркютское общество признавало лицом, способным иметь права, не каждого человека. В представлении тюрков правоспособность индивида связана с принадлежностью к роду, к общине. В кочевом обществе этот прямой продукт экономических отношений представляет, как и само государство и право, надстроечное явление, т. е. правоспособность связана и рассматривается в совокупности с общественным строем данного социума в данный период его развития.

В каганате в период империи существовали многочисленные социальные группы, в правовом отношении неравноправные, с социальным статусом природных тюркютов, или тюрков-туцзюэ. Данные группы представляли собой военнопленных-рабов, ремесленников-рабов, различные группы родов, примкнувшие или присоединенные к Элю в различные периоды ее истории, социумы – данники, подпавшее под влияние каганата в результате завоевательных войн.

Для тюркютов полная гражданская правоспособность слагалась из 3-х основных элементов или состояний:

1. Генеалогическая или инкорпорантная принадлежность к одному из десяти (чуть позже двенадцати) первоначальных родов, образовавших Эль.

2. Состояние свободы, т. е. личная свобода, опосредованная только принадлежностью и обязательствами к своему роду.

3. Семейное состояние, т. е. полной правоспособностью обладала нуклеарная семья: мужчина – «эр» и женщина в состоянии брака. Обеспечивались гражданские права индивида, так же как и суверенитетные отношения, на двух уровнях. Так как это взаимосвязанные явления, первый уровень находится в общине внутри виртуальных границ рода, второй – политический уровень, инновационный – Эль. Двухуровневая система обеспечения и гарантий гражданских прав отдельного человека и семьи сохранялась у тюркютов на всем протяжении существования каганатов. В отличие от суверенитета перевес в гарантиях принадлежал роду. Гражданский моноуровень не мог реализоваться целиком в условиях консервации хозяйственным процессом трайбалистских, сегментно-составляющих основ общества.

С точки зрения состояния свободы различались: свободные «эры» и различные категории рабов, коменданты и другие несвободные, которые в обязательном порядке принадлежали конкретным семьям, а через них родам. Нужно отдельно отме-

тить, что эти гражданские состояния в течение одного, двух поколений изменялись, как правило, в лучшую социальную сторону.

Семейное состояние, основной компонент гражданского статуса, разделялось на две категории: 1) самостоятельная, самодостаточная, хозяйствующая семья и отдельные аулы и 2) семьи кул-ов, усыновленных и комендантов, с ограниченными правами.

Объединение первоначальных четырех ханств в государственную организацию Тюрк Эль не разрушило состояние родового гражданства. В каганате полноценный статус гражданства обеспечивался из 3-х состояний. Первое состояние – права, обязанности и свободы, даруемые родом, второе – права и обязанности, обеспечиваемые в пределах ханства, третье состояние – общее гражданство в пределах каганата. При этом все остальные этносы, до полного включения («усыновления»), кроме первоначальных 10 родов, не обладали полнотой гражданских прав тюркютов, но при этом они могли рассчитывать на внешнюю защиту, обеспечение торгово-экономических интересов в межгосударственных отношениях и других вопросах. Таким образом, подвластные тюркютам социумы входили в каганат, но это не обеспечивало им равных гражданских свобод. С другой стороны, тюркюты не ставили цель по серьезному ущемлению гражданских прав завоеванных обществ. Они лишь ограничивали отдельные суверенные права, не вмешиваясь во внутренние правовые регулятивные проблемы этих обществ. В большинстве своем они оставляли низшую местную выборную администрацию. Данное обстоятельство не разрушало обеспечение гражданских прав и свобод на низшем уровне каганата у оседло-земледельческого и ремесленного населения на уровне городов и поселений. С политическим и социальным развитием каганата статус гражданства туцзюэ на основе Эля де-факто претерпел в течение двух веков определенные изменения. Недостаточное количество природных тюрков-туцзюэ для решения политических, военных и других задач на всем огромном пространстве империи подтолкнуло к сознательному включению отдельных родов и целых союзов (огузов) в число собственно Эля. Так, в памятнике в честь Кюльтегина в начальном перечислении отдельно упоминаются «союзные племена», т. е. огузы, и тюркский народ, а так же совершенно отдельно народ «девяти огузов», т. е. токуз-огузы (4). Таким образом, к началу восьмого века многие объединения тюркоязычных теле, вошедшие в состав тюркютского социума в виде огузов-союзников,

были фактически уравнены в основных правах с природными тюркютами и считали возможным бороться за каганский престол.

Тюркютское гражданство приобреталось, как мы отмечали выше, путем рождения в одном из десяти (двенадцати) первоначальных родов Эля, а для нетюркютов – путем инкорпорации выслужившихся и женившихся на свободных женщинах рабов и путем «усыновления» служилой знати вместе с их семьями, кланами или родами и рядом других способов.

Тюркют мог потерять статус гражданства, если он совершал политические преступления: мятеж, заговор, попытку переворота законно избранной власти ханов и кагана и смещения назначенных им шадов и тутуков. А также в результате дерзкого уголовного или «греховного» преступления против члена своего рода. В последнем случае суд приговаривал к смертной казни, а в случае отсутствия преступника или в виде помилования приговаривали к изгнанию из рода, что автоматически прекращало к личности преступника отношения гражданства на всех уровнях. Оказавшись вне общества, он мог стать только казаком (в русских летописях – «бродником») – вольным человеком в положении «вне закона». Такие индивидуумы объединялись с себе подобными и создавали для выживания свои, как правило, преступные сообщества-общины, состоящие только из мужчин. Именно от них специальные правительственные отряды тюркютов защищали купеческие караваны. Они могли легитимизировать свое положение, уйдя под покровительство в дружину влиятельного хана, шада или другого знатного лица, в основном как наемники-телохранители.

Правоспособность тюркютского гражданства начиналось из права вступать в законный брак, при котором слагалось получение в будущем детьми всей полноты прав гражданства, а отцу принадлежала полная власть над детьми и право торговать, совершать сделку, приобретать и отчуждать имущество. В отношении скота последнее право ограничивалось регламентированностью отношений собственности каждого члена семьи к семейному стаду. Права гражданства получали дети, рожденные от рабынь и наложниц, отцом которых был эр-туцзюэ, но они редко добивались почетного места в обществе.

Еще в начальный период формирования каганата из патронимической организации Тюрк Эля выделились в закрытую социальную группу роды Ашина и Ашидэ, образовав высшие сословия тюркютского общества (5). В самостоятельное сословие в силу профессиональной особенности выде-

лились бахсы. Остальные социальные слои сохранили традиционные основы воспроизводства.

У тюркютов можно различить две стадии дееспособности. Так, Позднеев отмечает, что различие тюрков от теле в том, что теле, как и монголы женятся уже будучи взрослыми и до первого года жизни ребенка живут с родителями жены. У тюркютов иной обычай, они женятся очень рано, еще будучи детьми. Т. е. теле становятся полностью дееспособными и правоспособными, как и положено у всех кочевников с момента вступления мужчины в брак и получения причитающейся ему доли скота и другого имущества (6). У тюркютов формально дееспособность также наступает с момента вступления порой 13-14-летних мальчиков в брак, но вследствие физической невозможности подростков вести полноценное самостоятельное семейное хозяйство они осуществляют раздел от хозяйства родителей только через 5-6 лет после создания семьи. Таким образом, юридически полная дееспособность у тюркютов наступает не со времени вступления в первичный брак, а с момента раздела имущества, т. е. с получением хозяйственной самостоятельности. При этом часть прав молодая семья все же приобретает в самом начале брака.

Дееспособность человека всегда и везде зависит от возраста, от понимания смысла совершаемого действия, способности владеть собой, трезво принимать то или иное решение. Данный принцип, как мы видим, характерен и для тюркютов. Жизненный и хозяйственный опыт залог того, чтобы грамотно, по возможности безошибочно вести семейное животноводческое хозяйство. Это единственный способ их пропитания и благополучия. Гибель стада в силу человеческого фактора означает смерть не только хозяина семьи или аула, но и многих остальных сородичей.

При смерти родителей дети переходили к ближайшим родственникам, которые выступали в роли опекунов. Опекун был обязан и заботился вместе с остальными сородичами по аулу и роду о личности, жизни и имуществе несовершеннолетних подопечных. Отчуждать имущество несовершеннолетнего опекуна не имел права. С момента вступления в брак подопечных они получали свою долю из стада, в данном случае совокупного стада опекуна и покойных родителей, и полагающееся имущество.

В дееспособности отказывали физическим лицам, страдающими умственными расстройствами и заболеваниями. Механизм отказа в дееспособности был прост, таким лицам было затруднительно заключать и вступать в брак. Из-за этого факта

данное лицо не могло произвести раздел и получить свою часть движимого и недвижимого имущества.

Недееспособными были лица, совершившие преступления, которые не поддавались в силу тяжести содеянного правовому регулированию с помощью куна или аипа. Такие люди или не получали раздел собственности, а если в момент преступления они были полностью правоспособными, то, как правило, их имущество могло быть на правах опеки для соблюдения экономических интересов невиновных членов семьи передано в хозяйство и под опеку ближайшего родственника. Члены семьи преступника в этом случае отрекались от виновного с помощью процедуры отречения и проклятия. Данная процедура завершала процесс гражданского выдворения виновного лица из-под защиты общины и рода.

Женщины в тюркютском обществе имели серьезные ограничения в правоспособности и дееспособности. В правовом отношении женщина всегда находится под опекой отца, мужа и ближайших родственников с двух сторон во все периоды жизни. В бытовой идеологии женщина носит двойной статус. По факту рождения она принадлежит роду отца. Однако изначально предназначена для рода мужа. Данный момент в этнографических материалах проявляется в виде неодобрения применения физического насилия отца на детей женского пола, а с другой стороны – одобрения и даже поощрения физического наказания жены мужем. В браке все дети женщины принадлежат роду мужа. Она имеет право в редких случаях на развод, но вне зависимости от причин этого она не имеет права на своих детей, кроме грудного ребенка. С другой стороны, она и ее дети в сложных обстоятельствах имеют право на двойное покровительство. Прежний род продолжает гарантировать многие ее жизненные и имущественные права.

Так как в кочевом обществе большинство договоров совершалось вербальным путем, большое значение имела такая форма правоотношений, как честь и бесчестие. Доказанная ложь на суде, неисполнение данных обязательств серьезно влияли на внутриродовой статус лица. Этот факт в

дальнейшем серьезно ограничивал и связывал его правовые взаимоотношения с другими членами общины.

По мнению Л.Н. Гумилева, понятие «кул» не означало у тюрков классическое рабство. Он вполне логично считал, что в условиях кочевого скотоводства было невыгодно, нерентабельно и практически невозможно использование труда по прямому принуждению (7). Поэтому мужчин-военнопленных тюркюты отправляли в специальные лагеря для выращивания злаковых культур и облагали их отдельной натуральной данью (особенно такая политика проявлялась при Мочжо кагане), а женщин и детей включали на разных условиях в состав семьи эров и рода (8).

Рабы-военнопленные, оставленные при вельможе в качестве лично несвободного слуги и дружинника, при этом имели право, и это право поощрялось, жениться на свободной женщине из этого рода (как правило, из беднейшей семьи). В этом случае полагающиеся подарки и калым вносил сюзерен, а данное лицо становилось членом рода вельможи. Таким образом, раб присоединялся к роду сюзерена, став во многом хозяйственно и граждански свободным. Однако определенная степень зависимости у этого лица от своего прежнего хозяина продолжала оставаться. Ведь именно сюзерен был официальным поручителем инкорпоранта, и, будучи в его ауле, он пользовался, прежде всего, его покровительством, статус в роде, т. е. вне хозяйственной общины был низок и во многом зависел от благорасположения хозяина. Подводя итог анализу тюркского понятия «gul», Л.Н. Гумилев отмечает, что основное содержание этого слова - подчинение чужому, любая форма зависимости (9).

Система родового, первого уровня гражданства у тюркютов в принципе исключала переход эров в разряд кулов внутри Эля. Данная норма сохранилась в период исламизации кочевников, которая вводила в идеологию тюрков понятие «уммы» в виде запрета обращать в рабство единоверцев. Попытка религиозных деятелей заменить идеологию родового гражданства общеисламской потерпела неудачу вследствие объективных хозяйственных законов кочевого скотоводства.

Список использованной литературы:

1. Продолжение темы начатой в статье: Жумаганбетов Т.С. Центрально-азиатские средневековые формы права // Право и политика, М., 2002 г., №5 и 6.
2. Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Тексты и исследования. Новосибирск, 1989. С. 22.
3. Малявкин А.Г. Там же.
4. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л., 1951. С. 33-34.
5. История Казахстана. Народы и культуры. Алматы, 2001. С. 37.
6. Позднеев Д.М. Исторический очерк уйгуров (по китайским источникам). СПб, 1899 г.
7. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1993. С. 54.
8. История МНР, М., 1983 г., С. 111; Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 55.
9. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 55.